

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ ФИННО-УГРОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО И КОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА

М. А. ЕЛДИН,

*кандидат философских наук, доцент кафедры философии
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Новейшая эпоха четко поставила в качестве важнейших вопросы исследования духовной суверенности общества. Для россиян как сообщества традиционалистского по своей культурной основе важными являются как этнические, так и культурно-религиозные аспекты специфики нравственно-патриотических традиций России. Изучение духовно-нравственной культуры этносов, определение соотношения религиозно-культурных универсалий и национально-специфических нравственных представлений и норм, особенностей преломления в них общечеловеческих моральных ценностей представляются сегодня особенно актуальными и значимыми.

Веками ведут нескончаемый диалог об основах духовной культуры народы Поволжья – взаимопроникая, оказывая постоянное воздействие друг на друга, обмениваясь всем тем ценным, что ими накоплено. Объединение мордовской земли с Россией было длительным процессом, растянувшимся на столетия. Начиналось оно, когда Русь еще не представляла собой единого целого, в период феодальной раздробленности, а завершилось, когда было создано единое Российское государство.

Изучение состояния и развития духовной жизни этносов Поволжья и Мордовии дает нам возможность выявить особенности культуры, структуры и эволюции социального положения Поволжского края.

В первой половине XIV–XVIII в. наряду с укреплением политических позиций российской власти в крае происходило усиление феодального гнета, внеэкономического принуждения, а по отношению к мордовским, другим финно-угорским и тюркским крестьянам – их аккультурация. Одновременно осуществлялось утверждение христианской иерархии и культуры в Мордовии [1, 152].

Традиционные духовные ценности общественных отношений народов Средневожья основывались на важнейших принципах, присущих большинству семей других народов, – самобытности семьи, ее прочности, родственной любви, теплоте отношений между всеми ее членами, общности духовных интересов. Типичным для социальных отношений, согласно воззрениям мордвы, должно быть уважение друг к другу. Основу совместного общежития составляла семья, идеалом которой были взаимопомощь и уважение: «Живут, друг другу угождают, друг друга уважают», «У хороших супругов одни мысли, одни слова» [4, 129]. Как отмечается исследователями мордовского национального менталитета, в частности русским этнографом Н. Н. Оглоблиным, «в характере мордвы невольно наблюдается какое-то горделивое спокойствие, порядочность и сдержанность, полная сознания своего собственного достоинства и чуждая всякого рода выхо-

док, резкостей, крайностей» [7, 3]. Данное мнение о характере мордовского народа представляется во многом верным и сегодня.

Из России шла религиозно-культурная традиция, которая оказала непосредственное влияние на духовно-нравственную атмосферу не только сообщества финно-угорских народов Средне-Поволжского региона Евразии, но и тех государств, которые в значительной степени восприняли элементы греко-византийского духовного наследия. Отметим то обстоятельство, что еще византийцы пытались включить ближайшие к ним угро-финские этносы в ареал своего духовного влияния. Достаточно вспомнить различные программно-политические трактаты византийских деятелей от Константина Порфиrogenета до Ласкаря Кенанна. Многое у ромеев, в силу ряда исторических причин, не получилось. Однако были и византийские миссии в Паннонии, династические связи византийских и венгерских правящих аристократических элит и др. Империи Второго Рима на удалось втянуть венгерские земли в сферу своего культурного влияния полностью, как это произошло с Русью. Позже Русь-Россия, в отличие от своей духовной предшественницы, действовала более эффективно, используя не только византийский, но и западный опыт аккультурации финно-угорских и других этнотерриториальных общностей. Проблема взаимодействия судеб традиций российской религиозности и финно-угорской духовности до сих пор остается одной из наименее исследованных в философской мысли.

Отметим, что многие поволжские народы были включены в состав России в XVI–XVII вв. и с этого времени постоянно подвергались русификации и христианизации (до этого они были язычниками). Язычество, тем не менее, сохранялось в патриархальной сельской среде. Сохранность язычества среди «иностранцев» – естественный результат неэффективности тех методов, которыми рос-

сийская власть распространяла христианство.

Проблема взаимодействия модернизирующегося мира и традиций христианства не нова, скорее, она специфична для христианства [13, 10]. Ее корень – в восприятии человеком восточных традиций христианства, которые рассматривают человека как существо привилегированное, созданное по образу и подобию Бога, стоящее выше всех тварных существ мира благодаря бессмертию души.

Сфера взаимного влияния традиций в этнической культуре начинает менять свои очертания, когда религия становится не только частью культуры, но и государственной политикой. Современное положение в указанном плане не предоставляет гарантий и дает иллюзорные основания для конфессиональной культуры современности. Сегодня в социокультурном пространстве многих общностей нет главного – выработанного историческим опытом и выношенного через века представления о природе культурно-государственного устройства, о легитимности культурного уклада бытия человека [1, 155].

Христианство, вошедшее (причем принудительно) в культуру финно-угров лишь 380 лет назад, до сих пор не побороло языческих традиций, среди которых – отсутствие страха перед смертью и надежда на скорое и легкое возвращение к новой жизни. В этой связи особую актуальность приобретают исследования различных религиозных направлений, в том числе взаимозависимости этнических и конфессиональных компонентов и их роли в самоопределении группы и личности, вопросы духовной жизни этносов РФ.

Возможно, во всех указанных выше обстоятельствах важную роль играет недостаточное внимание ученых и властей к проблемам малых национальностей. По мнению З. Фрейда, культура возникает как средство противостояния «...против опасностей природы и рока и травм, причиняемых человеческим обществом. Общий смысл всего таков: жизнь в на-

шем мире служит какой-то высшей цели, которая, правда, нелегко поддается разгадке, но, несомненно, подразумевает совершенство человеческого существа. По-видимому, объектом этого облагораживания и возвышения должно быть духовное начало в человеке – душа, которая с течением времени так медленно и трудно отделилась от тела» [9, 97]. Человеку общественному противостоят чужая внешняя природа и «свои-чужие» животные инстинкты собственной природы. Освоение, обуздание их – задача эволюции духовной жизни человека.

История укрепления в духовной жизни людей сектантских деноминаций, инославных организаций не связана с основным руслом развития культуры поволжских этносов. Дело здесь не в субъективном восприятии исторически нероссийских религий и рассмотрении прав верующего, а в государствообразующей роли диалога духовных традиций финно-угров и важности их истории. Сегодня, когда этноконфессиональный состав многих регионов быстро меняется, в Поволжье и на Дальнем Востоке, не говоря уже о Кавказе, проблема носит острый характер и приобретает политический оттенок.

Вначале, в первые века после проникновения традиций российского христианства в среду мордвы, других финно-угров, предполагалось, что будет принят высокий евангельский духовно-нравственный идеал и отвергнут языческий мир. «Цивилизованное» общество наших дней принимает мир и отвергает традиционные духовные идеалы. Правильный же подход, по мнению русского философа И. А. Ильина, заключается в том, чтобы «принять мир вследствие принятия Христа» и на этом построить духовную культуру, которая предлагает «исходя из духа Христова – благословить, осмыслить и творчески преобразить мир; не осудить его внешне-естественный строй и закон и не обессилить его душевную мощь, но одолеть все то, преобразовать и прекрасно оформить – любовью, волею и мыслью, трудом, творчеством и вдохновением» [2, 320].

В современной социальной действительности мы можем проследить процессы создания новых элементов социальной иерархии ценностей. Вследствие изменения традиционной шкалы социальных ценностей можно говорить о фрагментации (как в России 1917 г.) и маргинализации традиционных социальных представлений [16, 26]. Маргинализация в широком представлении – одна из сторон социального процесса. Маргинальная среда – удобная модель для изучения масс устойчивых общественных связей [14, 78]. Здесь и истоки духовных болезней общества, и их последствия: преступность, безразличие, всеобщее отчуждение. Всякий внезапный срыв социальной устойчивости сопровождается резкой актуализацией поисков [10, 125]. Социально-культурный кризис – это прежде всего ценностная катастрофа, разрушение устойчивой ценностной системы и болезненный поиск новых ценностей: «Резкое ускорение социальных процессов... приводит к шоку от столкновения с будущим» [8, 118].

Важнейшей составляющей решения духовно-культурных задач сегодня является ознакомление с исконными историко-культурными традициями, с реальными духовно-нравственными ценностями, наследованными современными этносами [15, 403]. Указанное способствует не только гармонизации современных процессов диалога российских региональных культур, но и развитию традиций духовного самосознания финно-угров Поволжья. Как верно замечено современными этноисториками, «благодаря взаимодействию локальных и этнических культур возникает система общения, поддерживаются различные стили и типы поведения, ценностные ориентации, этническая самобытность» [5, 3].

Локальная традиция-артефакт, выражающая интересы правящих социальных групп, опирается на символическую силу культурных идеалов, используя определенные авторитетные идеи, ассоциируемые с древностью или далеким прошлым, даже когда сами культурные идеа-

лы и даже сами представления о древности включают в себя инновации [11, 783]. Формирование таких искусственных традиций может происходить с привлечением механизмов формализации и ритуализации и с обязательной отсылкой к прошлому. Особенно большую значимость и стабилизирующее социальный порядок культурное влияние имело конструирование новых традиций в социалистических обществах в СССР и странах Восточной Европы.

Культурная революция XX в. и направленное уничтожение традиций в порядке расчистки почвы для строительства новой культурной реальности оставили за собой вакуум ценностей и моделей, который сам по себе составлял угрозу для удержания власти. Элиты вели идеологическую борьбу против того, что называлось пережитками национализма и буржуазной культурой как в ее высокой, так и в массовой ипостаси. В противовес необходимо было создать массовую культуру с социалистическим содержанием, придав ей определенную национальную окраску. Началось разрушение многовекового уклада внешней жизни этнорегиональных общин, а по сути всего строя духовно-культурной жизни российского общества. Фактически «вероисповедная политика» новых властей была направлена на разрушение устоявшегося веками духовного строя.

Возникает вопрос о традиционной этнической культуре: возможна ли она в современном обществе? В любом случае ее судьба зависит от того, смогут ли ее потенциальные творцы и адепты отказаться от тех комплексов и мифов, что внедряются сейчас в культурном пространстве современного общества, в том числе с Запада, ради преобразования сознания, времени и жизни.

Прежде всего стоит отметить специфику состояния глобализирующегося культурного пространства. Наблюдаемая в последнее время «индегенезация» – возрождение незападных культур – носит фундаментальный характер, а европейский колониализм позади; американская

гегемония, как признается многими исследователями, постепенно теряет свою универсальность ввиду возрастающего Азиатско-Тихоокеанского региона и Китая. Также можно констатировать исламское возрождение как попытку мусульман добиться своей важной цели – социокультурного глобального доминирования. Для современного общества, к сожалению, характерны очень либеральное законодательство в отношении распространителей религиозного экстремизма и культурная неустойчивость социального и духовно-нравственного уклада жизни людей [12, 281].

Более продуктивным нам представляется тот путь, когда особое внимание уделяется византийской истоковой для евразийского локуса традиции. Эта парадигма культуры имеет мощную, уходящую в глубины тысячелетий, метаэтническую духовно-религиозную основу, которую можно назвать локально-универсальной. Довольно емко и конкретно данная позиция выражена в исследовании истоков европейской культурно-антропологической специфики Е. В. Мочалова: «Именно в Византии античное наследие было переосмыслено и получило новый импульс к развитию. В Византии основные принципы христианского мышления, основная парадигма христианского сознания выразились с наибольшей полнотой» [6, 16]. Только в этом случае мы сможем глубже понять наше духовное наследие.

Культурная унификация в современности означает также господство общей идентичности, т. е. самоназвания с передаваемым (через учебники, государственную символику и т. д.) представлением об общей судьбе – истории. Описана идеальная модель, к которой стремится нация на этапе своего формирования, однако этот этап может быть очень долгим и никогда не привести к ее полноценной реализации.

Безусловно, каждый гражданин имеет право исходить из своих культурно-конфессиональных предпочтений, верить в то, во что желает. Существует понятие государственного протекционизма мер по

сохранению культурного единства государственности, в том числе в странах, где православие имеет важнейшее значение в истории общества: в Греции, на Кипре, отчасти в Финляндии. Он осуществляется не только в религиозной сфере жизнедеятельности общества, но и в экономике и политической практике. Особенно интересен опыт Греческой Республики, где православное население составляет 80 %. Речь идет не о навязывании какой-либо веры, но о многосторонней поддержке традиции, олицетворяющей национальную культуру.

Главное в обеспечении равенства социальных и культурных традиций религий российских народов – подъем общенациональной культуры. Здесь невозможно ограничиться совершенствованием правовой культуры, как часто пытаются это представить обществу. На каждом шагу исследователя преследует соблазн расширенного, универсализирующего подхода, включения все новых и новых положений и фактов. Особенно важна локализация этнокультурного материала, что не может не привести к определенным издержкам.

Вторая проблема, о которой хотелось бы упомянуть, находится в русле парадигмы «великого синтеза универсального и локального» в регионе Поволжья и заключается в попытке применения к исследованиям духовной сферы специфически

традиционных (и более того, культурно-конфессиональных) процессов и явлений функционального подхода. В данном случае речь идет о таких явлениях, как «познание» и «культуробщение», с одной стороны, и понятиях «мировоззренческо-информационная» и «коммуникативная», передаточно-диалогичная функции традиций духовной культуры (посредством иконографии, агиографии, архитектуры) – с другой. В этих условиях особенно сильно на культурное самосознание интеллектуальной элиты повлияла попытка представить свою «просвещенность» в желательном лучшем виде, особенно перед своими западными коллегами, лишь бы не «выглядеть варваром». Достаточно негативное воздействие оказал «сдвоенный кризис» европейских ценностей с восприятием «маргинализованных» тенденций культурного развития «современной цивилизации».

Возможно, сейчас мы переживаем ситуацию, когда европоцентристское сознание начинает постепенно изживаться и россияне обращаются к духовным истокам традиций отечественной культуры. В современной духовно-нравственной жизни российского общества набирает силу обнадеживающее явление – интенция огромного количества активных и образованных людей к нормальной, в том числе духовной, жизни, а это стремление объединяюще.

Поступила 12.10.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Елдин, М. А.* Русская религиозная традиция и финно-угорская этнокультурная общность // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 151–155.
2. *Ильин, И. А.* Одинокий художник / И. А. Ильин ; сост., предисл. и примеч. В. И. Белов. – Москва : Искусство, 1993. – 348 с.
3. *Крымский, С. Б.* Контуры духовности : новые контексты идентификации // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 21–28.
1. *Eldin, M.* (2011) Russian religious tradition and Finno-Ugric ethno-cultural community, Chuvashia University Bulletin. Humanities, No. 2, p. 151–155.
2. *Ilyin, I.* (1993) Lone artist, Moscow: Isskustvo.
3. *Krymsky, S.* (1992) Contours of spirituality: new contexts of identification, Problems of philosophy, No. 12, p. 21–28.
4. *Mainov, V.* (1885) Essay on legal life of Mordovians, Saint Petersburg: Dept. of the Interior Press.

4. Майнов, В. Н. Очерк юридического быта мордвы / В. Н. Майнов. – Санкт-Петербург : Типография Министерства внутренних дел, 1885. – 267 с.
 5. Мордва Урала и Зауралья / Л. И. Никонова, Т. В. Аксенова, Т. Н. Охотина и др. ; под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой ; НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2012. – 464 с.
 6. Мочалов, Е. В. Антропология всеединства в русской философии / Е. В. Мочалов. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 242 с.
 7. Оглоблин, Н. Н. В мордовском краю // Маторова. – 2000. – № 6/7 (9/10). – С. 3.
 8. Смелзер, Н. Социология : пер. с англ. / Н. Смелзер. – Москва : Феникс, 1994. – 688 с.
 9. Фрейд, З. Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. – Москва, 1989. – С. 94–99.
 10. Шукшина, Л. В. Социальные иллюзии : генезис и технологии создания / Л. В. Шукшина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2009. – 128 с.
 11. Arnett, J. J. The psychology of globalization // Am. Psychol. – 2002. – No. 57. – P. 774–783.
 12. Belfore, E. Auditing Culture : the subsidized cultural sector in the New Public Management // International Journal of cultural Policy. – 2004. – Vol. 10, No. 3. – P. 281–299.
 13. Lebedev, A. Russian orthodox and protestant individualism as patterns of European thought / A. Lebedev, M. Dungworth. – Kazan, 2003. – 60 p.
 14. Leman, S. G. Islam and ethnicity in the Republics of Russia // Post-Soviet Affairs. – 2007. – Vol. 13. (Jan.–March). – P. 78–103.
 15. Pouligny, B. Peacekeepers and Local Social Actors : The Need for Dynamic, Cross-Cultural Analysis // Global Governance. – 1999. – Vol. 5, No. 4, Oct. – Dec. – P. 403–424.
 16. Rowley, D. Imperial Versus National Discourse : The Case of Russia // Nations and Nationalism. – Cambridge, 2010, Vol. 6, pt. 1. – P. 26–29.
 5. Nikonova, L., Aksenova, T., Ohotina, T., etc. (2012) Mordva of the Urals and Trans-Urals, Saransk: Research Institute of Humanities at the Government of the Republic of Mordovia.
 6. Motchalov, E. (2006) Anthropology of the unity in Russian philosophy, Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
 7. Ogloblin, N. (2000) In Mordovian land, Matorava, 10 April, No. 6/7 (9/10), p. 3.
 8. Smelser, N. (1994) Sociology, Moscow, Phoenix.
 9. Freud, Z. (1989) The future of an Illusion, Twilight of the Gods, Moscow: Politizdat, p. 94–99.
 10. Shukshina, L. (2009) Social illusion: the genesis and creation technology, Saransk: Ogarev University Press.
 11. Arnett, J. J. (2002) The psychology of globalization, Am. Psychol., No. 57, p. 774–783.
 12. Belfore, E. (2004) Auditing Culture: the subsidized cultural sector in the New Public Management, International Journal of Cultural Policy, Vol. 10, No. 3, p. 281–299.
 13. Lebedev, A., Dungworth, M. (2003) Russian orthodox and protestant individualism as patterns of European thought, Kazan.
 14. Leman, S. G. (2007) Islam and ethnicity in the Republics of Russia, Post-Soviet Affairs, Vol. 13 (Jan.–March), p. 78–103.
 15. Pouligny, B. (1999) Peacekeepers and Local Social Actors: The Need for Dynamic, Cross-Cultural Analysis, Global Governance, Vol. 5, No. 4, Oct.–Dec., p. 403–424.
 16. Rowley, D. (2010) Imperial Versus National Discourse: The Case of Russia, Nations and Nationalism, Cambridge, Vol. 6, pt. 1, p. 26–29.
-